

Константин Симонов

ШЕЛ СОЛДАТ ...

**КОНСТАНТИН
СИМОНОВ**

Мен соудат...

МОСКВА
ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ СССР
1976

**ОФОРМЛЕНИЕ
ХУДОЖНИКА И. ГРЮНТАЛЯ**

Симонов К. М.
С37 Шел солдат... М., ДОСААФ, 1976.

144 с. с ил.

В книге писателя К. М. Симонова рассказывается о кавалерах солдатского ордена Славы трех степеней. Это взволнованное повествование о подвиге советских воинов в боях с немецко-фашистскими захватчиками, о людях девятнадцати национальностей.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, в первую очередь на молодежь.

С 11202—101
072(02)—76 без объявления

9(C)27

В книгу включены кадры из кинохроники и фотографии, которые сняли в годы войны кинооператоры и фотокорреспонденты

О. АЛЬПЕРИН
М. АЛЬПЕРТ
В. АРКАШЕВ
А. ГАРАНИН
М. ГРАЧЕВА
Б. ВДОВЕНКО
Р. ДИАМЕНТ
Э. ЕВЗЕРИХИН
Г. ЗЕЛЬМА
А. КАПУСТЯНСКИЙ
Г. КАПУСТЯНСКИЙ
Ф. КАРЫШЕВ
В. КИНЕЛОВСКИЙ
Б. КУДОЯРОВ
О. ЛАНДЕР
Г. ЛИПСКЕРОВ
С. ЛОСКУТОВ
Р. МАЗЕЛЕВ
М. МАРКОВ-ГРИНБЕРГ
Е. МИКУЛИНА
Д. МИНСКЕР
Н. НАУМЕНКОВ
М. ОЗЕРСКИЙ
Г. ПЕТРУСОВ
М. РЕДЬКИН
Я. РЮМКИН
М. САВИН
Г. САНЬКО
Н. СИТНИКОВ
А. СТАНОВОВ
Е. ТИХОНОВ
М. ТРАХМАН
П. ТРОШКИН
Б. УТКИН
Е. ХАЛДЕЙ
Я. ХАЛИП
Н. ХАНДОГИН
И. ШАГИН
Н. ЯНОВ

а также фотоснимки, принадлежность которых не установлена.

Работая довольно много лет в жанре кинодокументалистики, я пришел к выводу, что это дело куда более сложное для писателя, чем кажется на первый взгляд.

Получается, что в сущности прежде чем произнести окончательный текст с экрана, ты должен постепенно написать книгу — документальную повесть.

Окончательный текст такой документальной повести, которой предстоит зазвучать с экрана, складывается за год, за два года работы. Он — результат и всех твоих писательских поисков, и всех поисков изобразительного материала, где не меньшую роль, чем ты, играют кинорежиссер, кинооператор, фотокорреспондент, художник, художественный редактор...

Вот те несколько слов, которые мне, очевидно, следует сказать как автору этой документальной повести, положенной в основу кинофильма «Шел солдат».

ГЛАВА

первая

Шел солдат...

О том, как он шел, как он сначала отступил до Москвы, но не отдал ее, потом — до Сталинграда, но не отдал его, о том, как он дошел до Берлина и взял его, мне рассказали самые главные люди войны — солдаты.

Люди девятнадцати национальностей, кавалеры солдатского ордена Славы всех трех степеней.

Кто был на войне, знает, чего стоило тогда трижды заработать эту, приколотую сейчас на штатский пиджак, солдатскую награду.

Вот их тогдашние фотографии, так затасканные в гимнастерках, что нам

не хотел их пропускать технический контроль.

Говорил: плохие.

А по-моему, очень хорошие...

Такими они были тогда, эти люди, которые вправе рассказать о войне от имени всех солдат, своим горбом добывших Победу.

От имени дошедших и не дошедших до нее.

Награжденных и не награжденных.

Живых и мертвых.

Такими они были тогда.

А теперь сидели и разговаривали со мной, когда мы, с их слов, делали этот фильм.

Хабибула ЯКИН,
сельский учитель
из-под Тюмени,
на войне — связист.

Иван ПРЯДКИН,
из Кисловодска.
Сейчас по профессии
маляр.
На войне — пехотинец.

Петр ЧЕБОТАЕВ,
из Шушенского — слесарь.
На войне — сапер.

Иван БАРАНОВ,
ленningрадец, инженер,
морской пехотинец.

Александр АКИНЬШИН,
инженер, москвич,
минометчик.

Павел БАБИЙ,
из Киева,
ученый садовод,
артиллерист.

Максим БУГАЙЧУК,
инженер-железнодорожник
из Одессы, пулеметчик.

Михаил САФОНОВ,
резьбонакатчик из Могилева,
разведчик.

Военных
фотографий
нет.

Тамр ТАСТАДИЕВ,
из Джамбула,
председатель
сельского Совета,
пехотинец.

Военных
фотографий
нет.

Павел ПОРФИРЬЕВ,
колхозник из Чувашии,
разведчик.

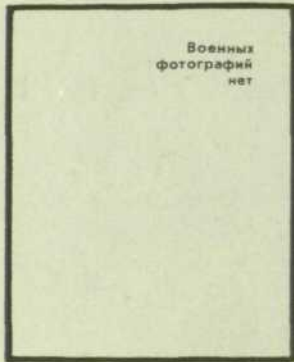
Военных
фотографий
нет.

Ян РОЗЕ,
работник Рижского
горисполкома, снайпер.

Владимир ФИНОГЕНОВ,
машинист из Волгограда,
пехотинец

Сергей ТЕРЕХИН,
тоже волгоградец,
продавец,
на войне — артиллерист.

Семен БУНЕРИДЗЕ,
из Грузии,
директор магазина
«Подарки»,
на войне — разведчик.

Николай ШЕРЕМЕТ,
полтавчанин,
сейчас мичман
Балтийского флота,
на войне — артиллерист.

Константи МАМЕДОВ,
горный инженер из Караганды,
разведчик.

Борис ЗАМАНСКИЙ,
инженер из Горловки,
связист.

Военных
фотографий
нет

Михаил БАДИГИН,
партийный работник из Оша,
артиллерист.

Николай ЩЕКАНОВ,
кондитер из Куйбышева,
танкист.

Абдурахман ШИРАВОВ,
заместитель директора
совхоза в Дагестане,
минометчик.

Иван ШМЕЯ,
инженер из Витебска,
разведчик.

Иван ЧЕРТКОВ,
сибиряк, директор техникума,
минометчик.

Халмат ДЖАЛАЛОВ,
парторг колхоза
из Узбекистана,
пулеметчик.

Али ГУСЕЙНОВ,
из Азербайджана,
председатель сельского
Совета, артиллерист.

Сулейман Эльдаров,
ювелир из Шеки,
артиллерист.

Мурман ДЖАПАРИДЗЕ,
из Грузии, майор милиции,
разведчик.

Василий АЛИФАНОВ,
москвич, майор милиции,
сапер.

Иван ПАРШУТИН,
инженер, москвич,
артиллерист.

Военных
фотографий
нет

Василий НАЛДИН,
инженер, москвич,
артиллерист.

Пуллат АТАЕВ,
научный работник
из Ленинабада,
разведчик.

Сеид Неби АБДУРАМАНОВ,
слесарь из Намангана,
артиллерист.

Сергей БАСКАКОВ,
слесарь из-под Ленинграда,
сапер.

Рубен ПАПАЯН,
мастер-металлург
из Еревана, артиллерист.

Сергей СОТНИКОВ,
инженер совхоза на
Могилевщине, пехотинец.

Военных
фотографий
нет

Илья СЕРГЕЕВ,
главный бухгалтер колхоза
в Северной Осетии,
танкист.

Военных
фотографий
нет

Насыр БАЙТУРСУНОВ,
колхозный бригадир
из Киргизии, артиллерист.

Военных
фотографий
нет

Василий ТИХОНЯК,
совхозный бригадир-
строитель из Молдавии,
артиллерист.

Василий ВОЛКОВ,
работник ЦАГИ,
пехотинец.

Василий ВОРОБЬЕВ,
составитель поездов
из Брестской области,
разведчик.

Владимир МАКЕЕВ,
авиаремонтник из Оренбурга,
пехотинец.

Карл КУРКЕВИЧ,
инструктор
производственного обучения
из Риги, автоматчик.

Иван ВАНАЧА,
школьный учитель из Абхазии,
артиллерист.

Петр Павлович САНФИРОВ,
москвич,
без малого ровесник века,
единственный из всех,
с кем я говорил,
сейчас уже давно
на заслуженном отдыхе,
а тогда, на войне
— пехотинец.

Военных
фотографий
не сохранилось,
как и у многих других...

Эти люди, вместе с фронтовыми кинооператорами и фотокорреспондентами и рассказали нам о том, как шел солдат...

И все-таки начнем с того, без чего не вправе начать.

Нам рассказали о войне те, кто дошел до Победы.

Но дошли не все.

Потому что эта война шла три года десять месяцев и еще восемнадцать суток.

Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.
Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что двадцать лет и тридцать лет
Живым не верится, что живы.
А к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких,
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого нет,
И ставит, ставит обелиски.

.....
Если б каждая, что теряла
Сына, в каждом смертном бою,
Над могилой его стояла,
Принеся ему скорбь свою,
Над пустынями сел спаленных,
Над снегами русских полей,
Их не счесть бы, фигур согбенных
Над могилами сыновей.

...Говорят, раз ты умер,
— таков уж закон, —
Вместо «ты», про тебя
говорить надо «он»,
Вместо слов, что люблю тебя,
надо «любил»,
Вместо слов, что есть
друг у меня — надо «был».

Был...

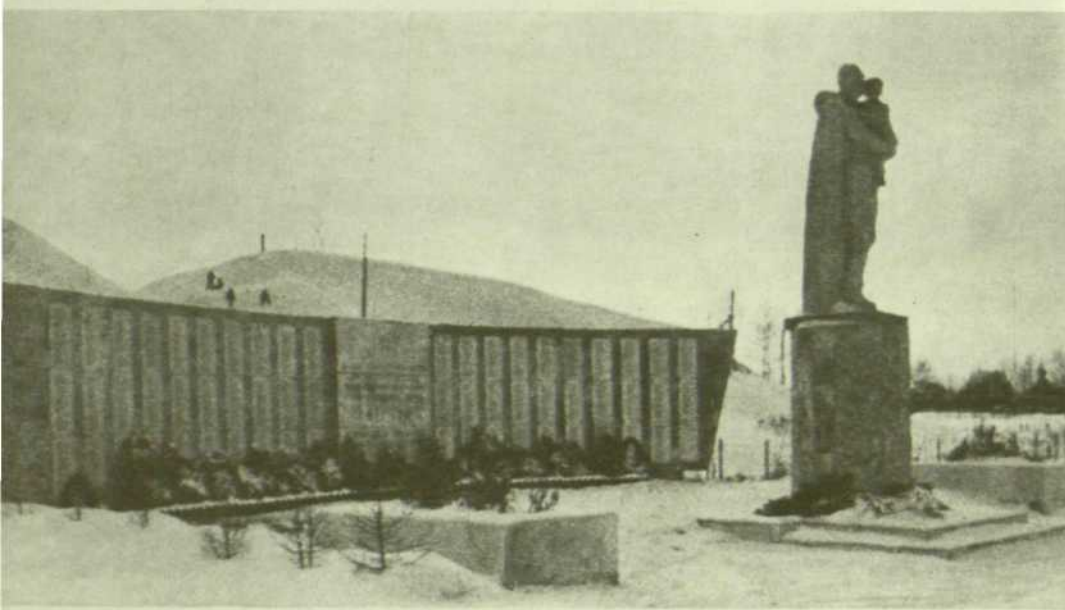
Во время войны и сразу после нее памятники ставили только там, где были бои.

Но потом начали ставить их и там, где не было боев.

Там, откуда пришли эти люди — сначала освободившие собственную землю, а потом — пол-Европы.

До маленького Белозерска на Вологодчине фронт не дошел.

Но люди из Белозерска дошли до фронта.

В городе к началу войны было всего две с половиной тысячи мужчин призывного возраста. На памятнике — восемьсот восемьдесят шесть фамилий тех, кто не вернулся.

Алтай. Село Ключи. От Берлина по прямой — пять тысяч километров. От Волгограда — две с половиной.

Четыреста пятьдесят одна березка и под каждой маленький камень в память о невернувшемся жителе села Ключи.

Их могилы по всей России и по всей Европе.

А березки — и память — здесь.

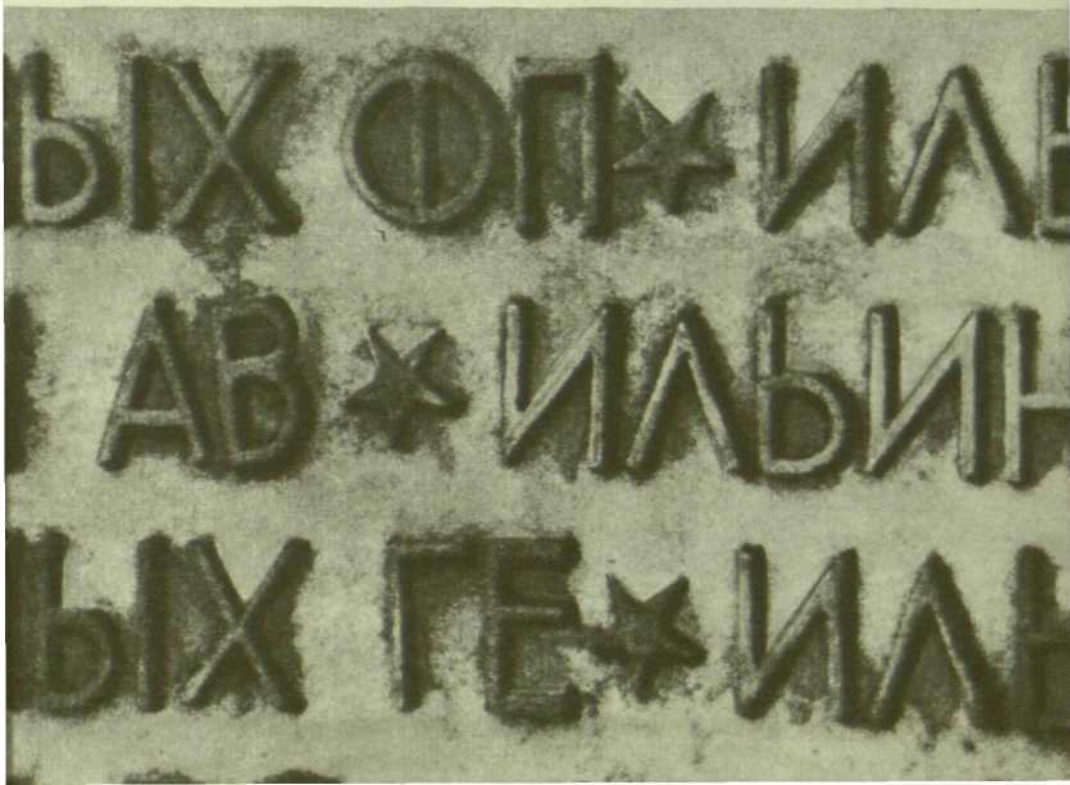
Ш Ш Ш
Ю М Ю
Ю Р Т
В И
Ш Ш Ш
А Б Д
А Т Е
Л Е М
Р Х А Н
В А Р О
В А Ф
Б Е Л
В И Р
Б О А Т
Б Р Е Д
Б У Х А
В А С Я
В П А С Т
П А Г Я
Г Н А Т
Г О Л У Б
Г У Р Е В
С У С Е
Д М И Т Р
Д М И Т Р
Д М И Т Р
Д О Р О Х
Д У Д А Н
Д У Р И Н

СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ
СТ. СЕРЖАНТ
СТАРШИНА
РЯДОВОЙ
СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ
СТ. СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ
РЯДОВОЙ
РЯДОВОЙ
СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ
РЯДОВОЙ
СТ. СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ
СТАРШИНА
РЯДОВОЙ
СЕРЖАНТ
РЯДОВОЙ

Стена в Волгограде.
Те, кто пришли сюда и пали здесь,
на Волге, остановив фашизм и не
пустив его дальше...

Стена в Новосибирске.
Те, кто ушли отсюда...
Из каких боев, откуда вернулось
в Сибирь, сюда в бетон — это имя?
Из-под Москвы?
Из-под Курска?
С Вислы?

С Одера?
Из первого дня войны?
Из последнего?
Откуда?
Мы не всегда знаем это. Далеко
не всегда.
Но одно мы знаем наверняка.
Вместе с живыми они тоже не-
зримо дошли до Победы.
Разные памятники. Одна и та же
на всех война.

Почтим же, как у нас положено, минутой молчания память всех, павших на этой Великой Отечественной войне. Известных... И неизвестных...

ГЛАВА

Вторая

История войны достаточно хорошо известна. Фашисты собирались победить нас за шесть недель.

Поначалу им казалось, что так оно и будет. Побеждали, брали пленных... Не прошло и недели как были в Минске.

В августе оказались у стен Ленинграда.

В ноябре — у стен Москвы.

Осенью следующего года дошли до Волги.

И все-таки все вышло по-другому, чем они думали.

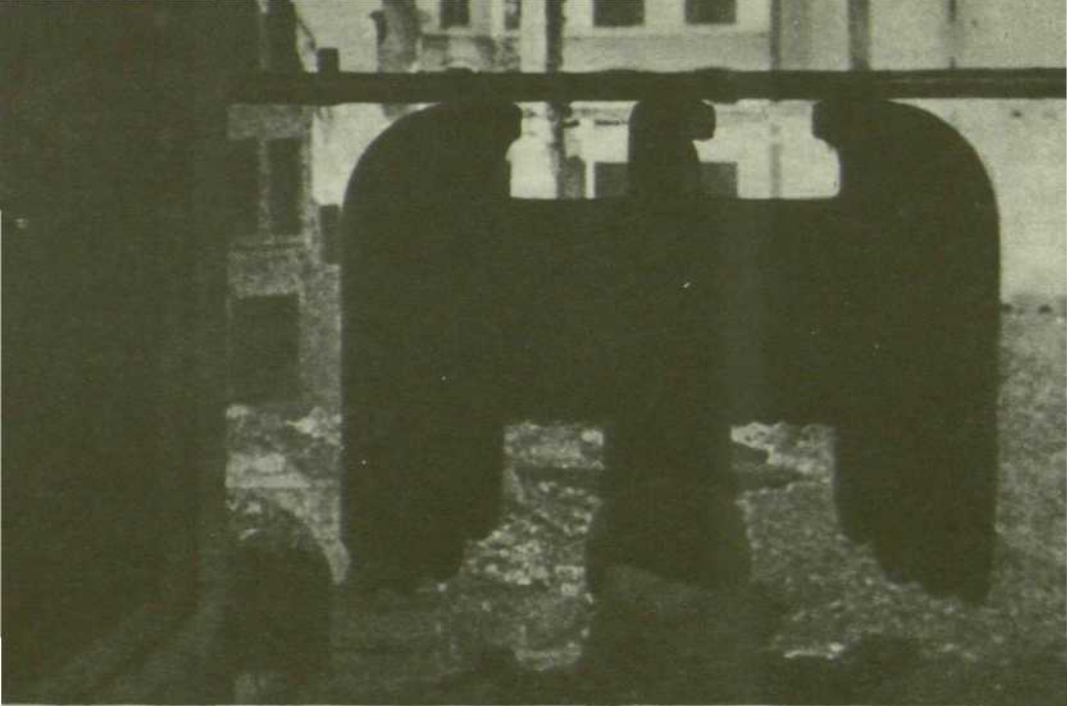
Ленинград не пал.

Москва не пала.

Сталинград не пал.

В нем капитулировали не мы, а немцы.

Потом была Курская дуга, освобождение Украины, Белоруссии и Прибалтики.

Потом были Бухарест и Белград, Варшава, Будапешт, Вена и, наконец, Берлин.

И тот день безоговорочной капитуляции фашистской армии, до которого так хотелось дожить каждому из нас, помнивших, как началась эта война.

Вот она — рука фашистского

фельдмаршала Кейтеля, подписывающего акт о безоговорочной капитуляции.

Спрашивается, что потребовалось от солдата, чтобы заставить сдаться того самого врага, который считал, что он разгромит нас за шесть недель?

Что для этого потребовалось от солдата за четыре года войны, или, как сам солдат говорил, от звонка и до звонка?

Требовалось воевать!
С первого дня войны, с первой
минуты, что бы ни было!

Сколько воевать?

Сколько — не знали.

Знали одно:

Сколько потребуется,

Столько и будем.

И пошел солдат на войну.

И шел четыре года.

Одну тысячу четыреста восемнад-
цать дней...

Про всю войну сразу не расска-
жешь. Об этом — тысячи книг
и миллионы метров пленки.

Мы хотим напомнить только об
одном: чем была жизнь солдата на
войне. Из чего она состояла.

Мы помним, с чего начали войну,
и помним, где ее кончили.

Это все знают.

А вот чего это стоило солдату?

Какой, ни с чем не сравнимый
труд лег на его плечи по дороге
к Победе?

Товарищи солдаты, товарищи ка-
валеры солдатского ордена Славы
всех трех степеней, вспомните, что
для каждого из вас было самое
трудное на войне?

Михаил Бадигин. Самое трудное на войне — это труд, подчас физически изнуряющий труд.

Василий Тихоняк. Самое трудное — перенести было всю тяжесть этой войны. Это ночь, грязь, дожди, морозы — все это было трудно нашему солдату.

Иван Чертков. Много было трудное. Крыши никогда не бывало, ни зимой, ни летом. Крыша над головой у кого бывала! У того, кто находился подальше, где-нибудь там. А у нас какая крыша! Окоп. Вот тебе и крыша, и дом. И все там в нем.

Сулейман Эльдаров. Самое трудное! Все трудно. Копать трудно, стрелять трудно, не спишь — все тяжело.

Владимир Финигонов. Самое трудное — это, конечно, в пехоте. В пехоте ты должен все время наступать, наступать, оборону держать. И если тебя не убьют и не ранят, то из пехоты никуда ты не уйдешь!

Илья Сергеев. Самое трудное — это нужно было достать победу самим.

Николай Шеремет. Самое трудное — как сказать! Самое трудное — это война, война. Представляете себе, этот ежедневный тяжелый труд от начала и до конца...

Да, на войне, оказывается, трудно, очень трудно... Не все сейчас представляют себе, как он выглядел, этот труд войны...

Мы отобрали из всей военной

хроники только четыре минуты этого труда. По минуте на год войны.

Давайте посмотрим и вспомним за эти четыре минуты те четыре года.

А вдобавок ко всему другому, все четыре года войны солдату не хватало времени поспать.

Нет, не буду своими словами, лучше послушаем, как об этом вспоминают сами солдаты.

Сергей Терехин. Насчет сна я вот и до сих пор не представляю — то есть спали мы или не спали. Ну да спать нигде!

Александр Акиньшин. Когда начались наступательные бои. В момент прорывов обороны противника. Большая подготовка к самому прорыву. А затем мы пошли в прорыв, в наступление — значит, здесь спать некогда! Уж гарантировано — трое суток не спавши. Трое суток не спавши — тяжело, очень тяжело.

Максим Бугайчук. Пришли уставшие, так что когда легли — то и не почувствовали, как примерзли до окопа.

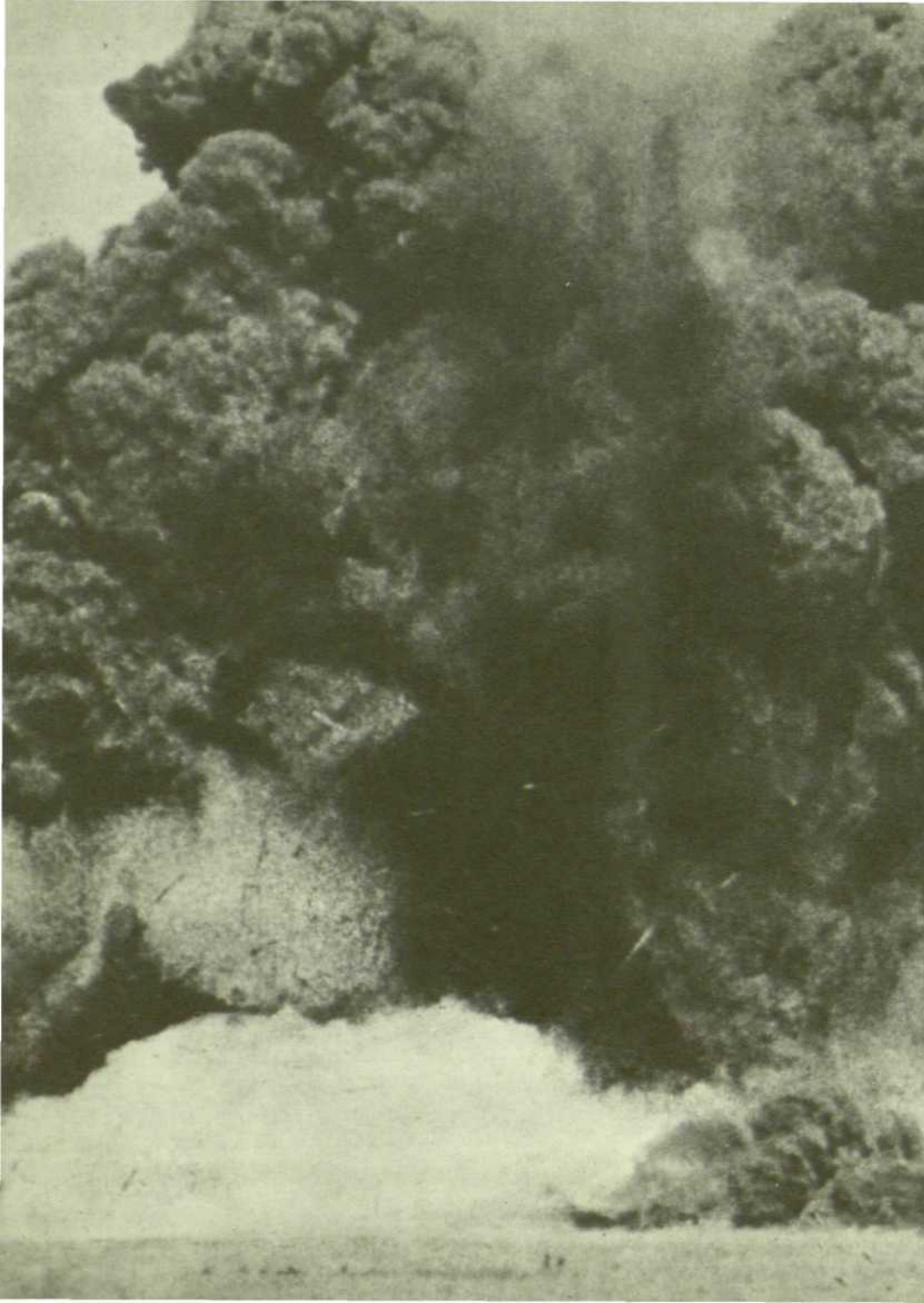

Александр Акиншин. Ну, спали иногда на ходу. Ночью, если движемся, то один заснет. Как заснул, так его повело в левую сторону, почему-то всегда в левую сторону, не знаю, почему. Другой заснет — разбудишь, значит, проснется — пошел. Или у нас минометы возили на повозке. За повозку ухватишься — и спишь. Ноги идут, а рукой держишься. Вообще говоря, у каждого солдата в войну была мечта: соснуть бы минуток шестьсот. Так и говорили: как бы соснуть минуток шестьсот...

ГЛАВА

третья

Война была, конечно, трудная, очень трудная. Для каждого по-разному и для всех вместе.

Но война была не только трудная, а еще и страшная. Задавая вопросы солдатам, я даже не сразу решился на этот, самый трудный из всех:

— А что же, все-таки, для вас лично было самым страшным на войне?

Труд — трудом! Но отличие труда войны от всякого другого в том, что он почти всегда рядом со смертью...

Сейчас на снимке они тихие, эти взрывы. Где-то там, на горизонте...

А если ближе?

А если рядом с тобой?

А если это не раз и не два, а сотни раз? И не день, и не два, а четыре года?

Борис Заманский. Самый страшным, безусловно, был период начала войны, вне всякого сомнения — период начала войны.

Иван Баранов. С первых дней войны было все страшно.

Али Гусейнов. Страшно очень было на Курской дуге. Очень страшно было. И в Сталинграде страшно было.

Николай Щеканов. На фронте, конечно, страшно, все страшно, но я, вот лично сам, страшнее всего, я боялся, чтобы не попасть в руки немцам живым. Это вот у меня самое страшное было.

Василий Волков. Шел я и вижу, что сел уже нету — страшно, конечно. Вижу, расстреливают за селом скот — коров, лошадей, овец — страшно. Все лежат свеженькие — страшно. И ночью видишь другой раз, когда идешь, села все горят. Справа, слева — зарево. Зарево — страшно. Две, по-моему, я помню, две виселицы, человек по десять — как шли мы колонной — висит наш русский человек. Страшно.

Иван Чертков. Я думаю, что на войне все страшное, и вряд ли кто скажет, что на войне не было страшно. Вряд ли кто скажет.

Хабibuла Якин. Днем и ночью живешь на фронте. Надо человеку жить там. Надо сделать так, чтобы немцы не пробрались и не захватили тебя как «языка», в плен не утащили. Надо зорко смотреть, когда ты на посту. Быть в лехоте трудно, действительно трудно. Вот, иногда, я вспоминаю, к нам приезжали артисты, и эти артисты приходили, давали концерты, а потом старались уйти скорее от нас — и вот я иногда смотрю кино, выступление артистов, с какой гордостью говорят, что они были на передовой с концертом. Они были. А солдату надо было жить там, там, где они были какой-то час или полтора, или два.

Мы говорили тогда: «война продолжается». А как подумаешь над этим словом: «продолжается...»

Человек не в состоянии был бы вынести четыре года войны, если бы она состояла только из одной войны, если бы он не думал о том, что ему нужно подбить сапоги, выстирать гимнастерку, зашить на ней

дыры, поест, добыть табак...Если бы не все это, невозможно было бы вынести напряжение войны.

Утром была атака, вечером будет атака, ночью была бомбежка, вчера был артобстрел, завтра будет переход в наступление. И может быть, сейчас где-то рядом, всего за два километра, идет кровавая баня.

А солдат моется, раз может! И
белье стирает, раз может! И чи-
тает газету. И харчится...

Война-то была четыре года!

За четыре года в мирное время
вуз кончали! За четыре года Маг-
нитку строили!

Четыре года войны! Это, какие они ни на есть, а все-таки четыре года жизни...Жизни.

А смертей при этом было, конечно, хоть отбавляй.

А это несут уже не солдата, а
фронтового оператора...

Спасибо тем, кто все это снимал — и живым, и мертвым. Это их кадры позволяют нам сейчас,

через много лет, хоть как-то представить себе все это.

Хотя, конечно, всего, из чего состояла война, все равно не увидишь ни на каких кадрах...

Михаил Бадигин. Самое страшное — это танк.

Иван Прядкин. Хуже нет в жизни — это попасть под пулемет.

Владимир Макеев. Для сапера очень страшно идти с танками, потому что — танки идут, а противник прямой наводной стреляет. Но нам нужно выйти вперед и попробовать разминировать противотанковые мины.

Василий Воробьев. Ну, для нас самое что было страшное — вот товарищ говорил правильно, что это мины, это самое страшное!

Мурман Джапаридзе. Самое страшное было, когда прицеливаешься и убиваешь живого человека.

Хабибула Якин. Самое трудное — подняться в атаку, выйти из окопов. Конечно, все трудно, — но самое трудное — это подняться в атаку.

Таир Тастандиев. Самое страшное, знаешь, это, ну как его — руко...рукопашный бой!

Рукопашный бой! Нет, не снят и не мог быть снят рукопашный бой.

Или то, как берут «языка».

Или танк, когда он в двадцати шагах.

Нельзя было снять лицо солдата, бегущего в атаку, потому что для этого надо быть между ним и немцем.

И не вините в этом кинооператоров!

А просто посмотрите в глаза солдатам и попробуйте представить себе — как все это было в их жизни, там, на войне.

А еще было — и трудно, и страшно — простаться с товарищами.

Карл Куркевич. Самый большой страх, кажется мне, получает, когда рядом с тобой гибнут товарищи, которые не дожили до конца войны, с которыми вместе воевал.

Рубен Папаян. На войне самое трудное — потерять своих боевых друзей — самое это трудное.

Михаил Бадигин. В семьдесят третьем году мы списались, все, кто нашелся из батарен, съехались в город Запорожье и девятого мая посетили место форсирования Днепра. И посетили братские могилы. В одной могиле лежит две с половиной тысяч... Был там митинг, возложили мы цветы, взгрустнули о погибших товарищах.

В общем, на Украине очень здорово отмечают и чтут память погибших, очень здорово. И мы были тронуты этим.

...Говорят, раз ты умер,
— таков уж закон, —
Вместо «ты», про тебя
говорить надо «он»,
Вместо слов, что люблю тебя,
надо «любил»,
Вместо слов, что есть
друг у меня — надо «был».

Был...

В окопе, занесен метелью,
Не делит сухарей с тобой,
В землянке под одной шинелью
Не спит у печки жестяной.
Но все, что за душою было,
Что вас обоих в бой вело,
Все, за что умер он, в могилу
С ним не легло.
Нет, не легло.

Любовь мы завещаем женам,
Вспоминанья — сыновьям.
Но по земле, войной сожженной,
Идти завещано друзьям.

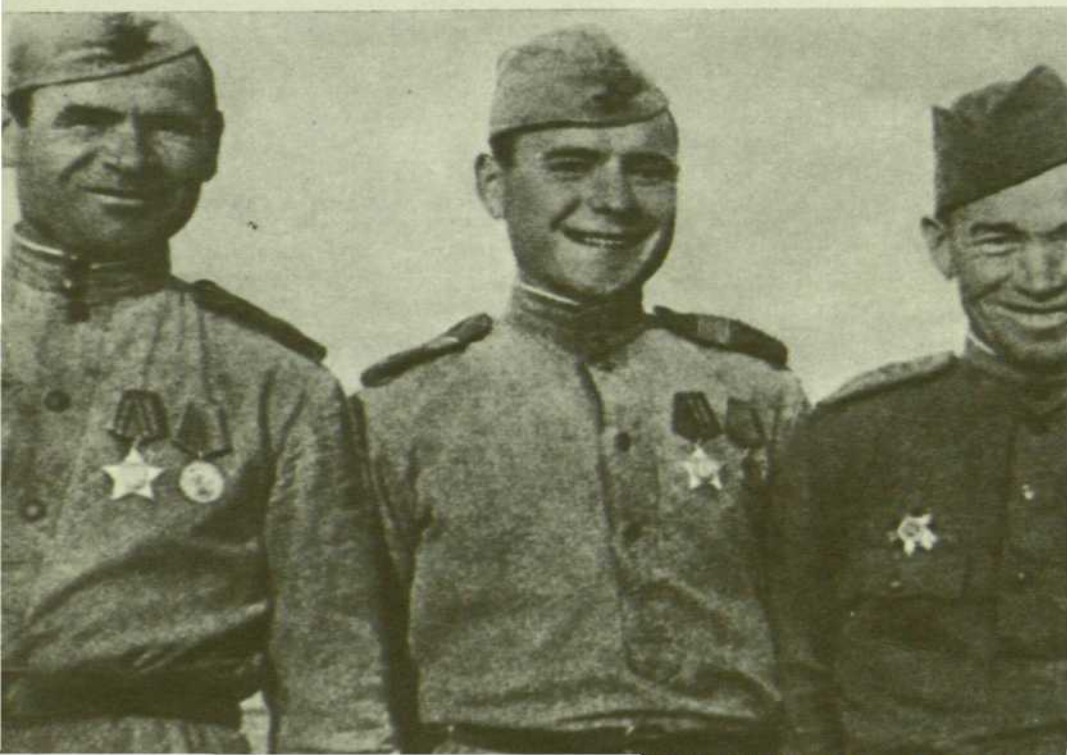

Он останется там, в земле...
А ты пойдешь дальше...Дальше...

ГЛАВА

землерота

Четыре года шли.

Шли в четырех шагах от смерти, не думая ни о чем, кроме своей солдатской работы и не замечая людей, снимавших эту солдатскую работу.

Но изредка бывало, что снимались, глядя в аппарат, надев награды, тщательно сделав «заправочку».

Снимались в торжественные и радостные минуты, которые тоже бывали на войне. Снимались, когда получали Гвардейское Знамя. Снимались для партбилета. Снимались,

чтоб вложить фотографию в письмо домой.

Снимались, когда специально просили повернуться, чтобы было видно, как их награждают, как прикалывают на грудь орден Славы.

Москва, Кремль. Сорок третий год. Середина войны.

Указ об учреждении этой, еще одной, солдатской награды, легкой на грудь солдата рядом с другими, полученными до этого.

Товарищи кавалеры всех трех степеней Славы. Где и когда вы их получили?

Максим Бугайчук. Первый орден вручал мне на фронте командир полка Токарев. Второй орден тоже вручал на фронте командир полка Токарев. Третий орден вручал в Москве, в Кремле — Михаил Иванович Калинин.

Тамр Тастандиев. Я, вот эти ордена, чтоб не потерять, сделал такую штуку: гимнастерку я таскал, так, я вот приколол, проволоку взял, медный такой проволока есть, телефонный проволока, взял я этот мягкий проволока и, понимаешь, хорошенько отсюда проколол гимнастерку и так таскал я. Если потеряется, то с гимнастеркой вместе, понимаешь, выпадать будет. А так никогда не потеряется!

Михаил Бадигин. Ну, когда выдавали ордена, я тут сам принимал участие. Котелок двухлитровый водки, значит, у старшины водку получили, — и — туда! И все туда бросают, потом по кружкам разливают, выпивают и каждый достает свой орден. Дай бог, не последний! Вот такой был порядок.

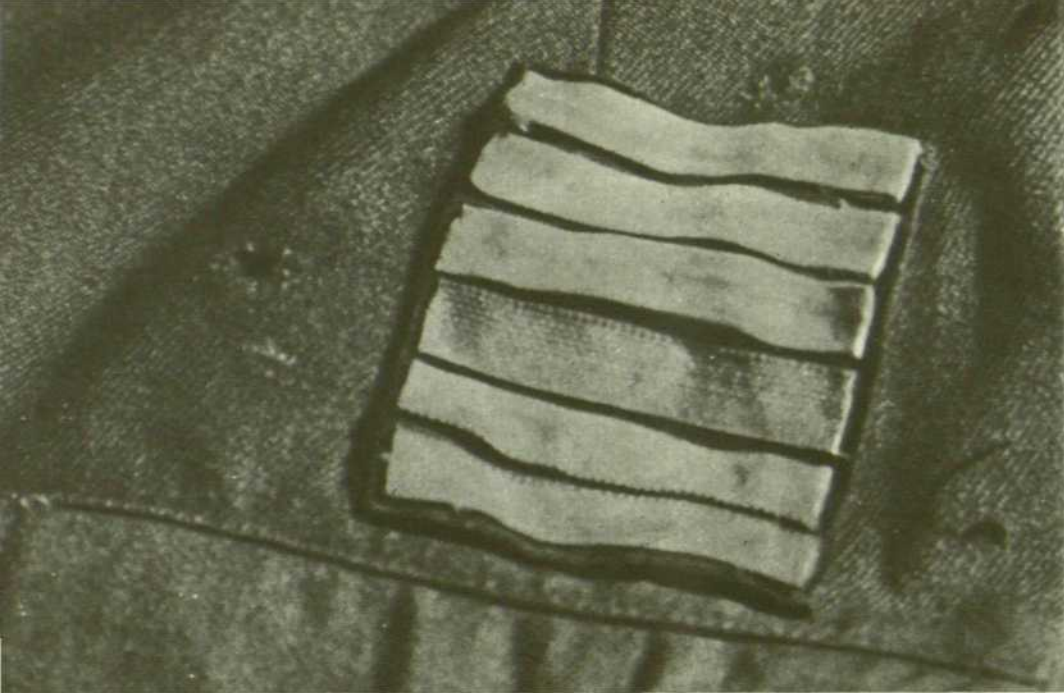
Сергей Терехин. Когда меня награждали, конечно, я не знаю, но получил я их, все три Славы, в пятьдесят шестом году. Ну, я утром прихожу к военкому, он говорит: — Вот тут документы прислали на тебя, давай, говорит, садись — писать будем: откуда пошел, откуда пришел, где служил, в каких частях, где был ранен. Приезжаем с базы — говорят, Терехин, давай, срочно с военкомата звонили! Срочно, давай, бежи туда. Ну, я прихожу: Здравствуй, здравствуй, вот, Терехин пришел, сейчас будем вручать тебе ордена.

— Какие ордена!

— Да вот, смотри.

Достают коробочку, красную коробочку — три ордена Славы. Все три ордена.

Василий Алифанов. Ну, видите, о наградах никто не думал и никто не вспоминал. Мы шли не за награды, а за Родину. Поэтому у меня такой мысли не было, что кто-то награду получил, или я получил, — я не думал о награде. Награды как-то сами приходили по себе. И солдат, мне кажется, о награде ни один не думал — какую награду ему получить! Награда была самая великая — разбить врага. Победить. Победа — вот это вот — награда для солдата была и для всего народа. Я так считал, не знаю, как другой.

Это награды...

А это что?

Многие не знают сейчас, что это такое — над правым карманом солдатской гимнастерки.

Гимнастерка эта взята из музея, а эти полоски на ней — нашивки за ранения.

Впрочем, солдаты не больно-то любили нашивать их себе на грудь, больше думали о том, чтобы поскорее вернуться в строй.

Я слышал от одного знаменитого военного хирурга, что в конце концов эту войну выиграли раненые.

На первый взгляд звучит преувеличением. Но, судя по рассказам солдат, — похоже на правду.

Из всех солдат, с которыми я говорил, ни разу не было ранено только пятеро, и до сих пор сами удивляются этому.

Павел Порфирьев. — Вы за всю войну ранены не были!

— Нет. — Ну, как это так вышло! Просто удивительно! Само начальство, само наше командование удивлялись! Какую сложную работу ни выполняешь — ну, не попадает!

Владимир Финогенов. Я все остаюсь живой и живой! Вместе с ребятами иду в наступление, берем село, взяли село,— а я остаюсь живой! Идем, вместе со всеми солдатами иду, со своей ротой, перебежками, берем, забираем все это село, окопываемся, идем дальше, а я остаюсь живой! Сами пули, они как-то мимо проскакивают, не попадают, как-то все — жик-жик...

Но чтоб «все — жик-жик» — бывало редко. Пятеро встретили победу в госпиталях.

А все остальные, после двух, трех, четырех ранений — снова и

снова возвращаясь в строй, все-таки довоевали войну, до самого ее конца.

И даже после семи ранений, как Сулейман Эльдаров.

Сулейман Эльдаров. Я семь раз поранен. А в госпитале только один раз! В госпитале один раз лежал. И в медсанбате один раз. Примерно двое-трое суток пролежал, и все. А остальное все на фронте.

— А куда вас ранило!

— У меня три раза голова ранена и плечо ранило — левую сторону, там кость задело.

— А ноги, руки!

— Ноги поранило, руки ранило.

Кажется, этот солдат отвоевался, все? Но такое с ним, как с Сулейманом Эльдаровым, будет еще шесть раз.

Первый раз — в ногу.

Второй раз — тоже в ногу.

Третий раз — в плечо.

Четвертый раз — в голову.

Пятый раз — в руку.

Шестой раз — в голову...

А после седьмого все-таки дошел до Победы.

Конечно, самого Эльдарова не

снимали все семь раз, что он был ранен.

Это сняты разные люди в разных местах фронта.

Но представим себе, что это все один и тот же человек.

Первый раз — под Москвой.

Второй — под Сталинградом.

Третий — под Курском.

Четвертый — на Днепре.

Пятый — под Минском.

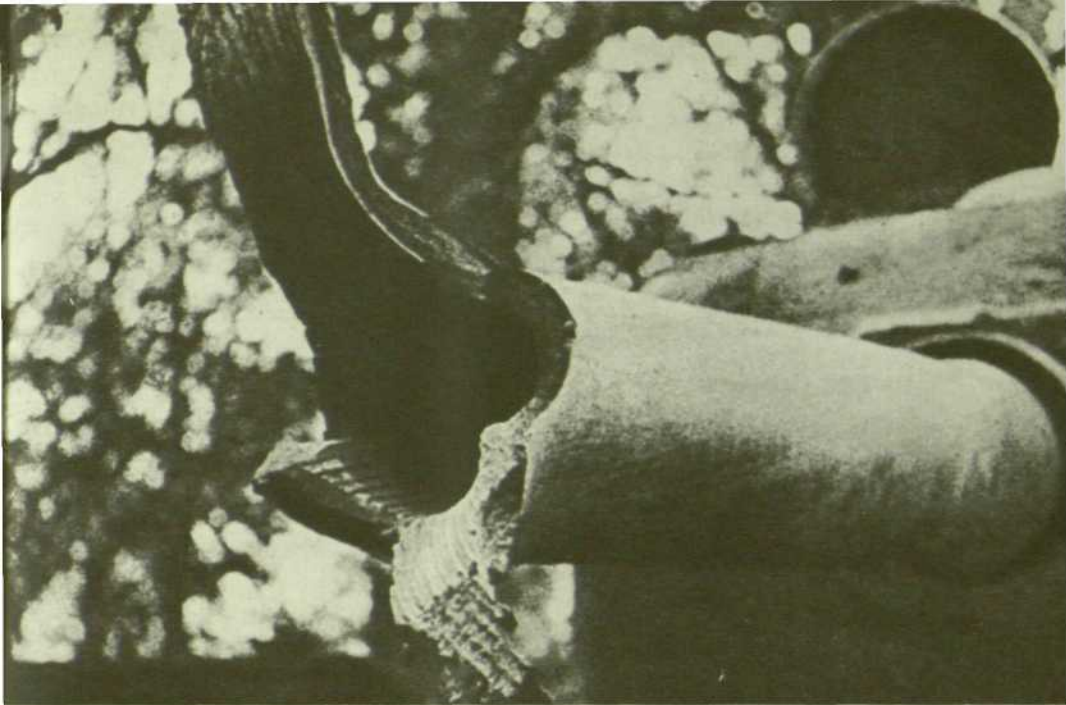
Шестой — на Висле.

Седьмой — на Одере...

А между прочим, чтобы, выйдя из госпиталя или медсанбата, снова поспешить на передовую,— нужна воля. Воля! Не так-то просто после госпитальной койки снова окунуться в войну.

Все крушится на войне: все! Дерево, камень, бетон, железо.

А человек-то смертен. На человеке-то всего-навсего гимнастерочка, шинель, ну, ватник под нее поддет, ну, ушанка на голове,— хотя бывает, что и ушанка спасает: наматывается на осколок вата— и вместо того, чтобы убить— только царапнет... Чего не бывает на войне...

Я расспрашивал солдат, когда у каждого из них была первая встреча с войной. Половина — двадцать из них — начали войну в сорок первом, двенадцать — в сорок втором, пять — в сорок третьем, трое — самых молодых — в сорок четвертом.

От одного из этих троих я услышал историю, которая никак не выходит из памяти.

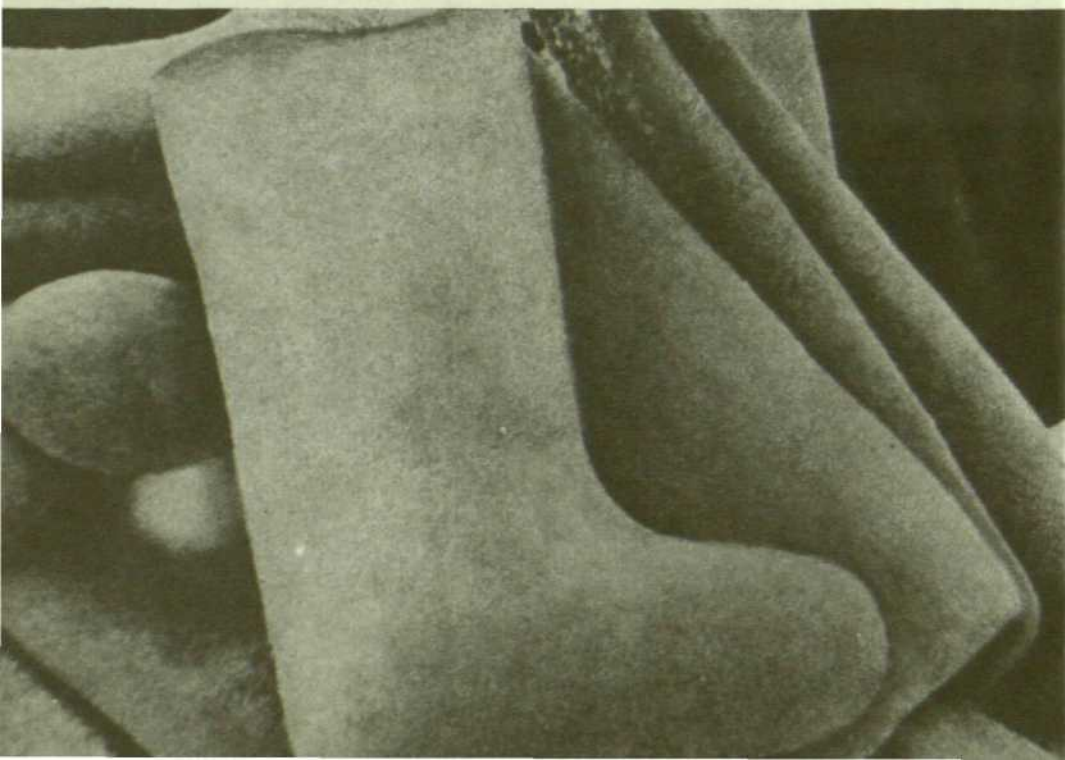

Шли бои под Москвой, и шестнадцатилетний деревенский парнишка, Вася Волков, вместе с другими школьниками, чинил валенки, которые свозили в их деревню с передовой.

Валенки были с убитых и раненых, иногда рваные, распоротые осколками.

Латая валенки, он находил в них осколки, пули, обрывки окровавленных бинтов. Так он впервые столкнулся с войной, и в своем детском порыве, подшивая валенки, иногда выстрачивал на них «Вперед, на Запад!», а иногда просто «Вася Волков».

А через три с половиной года он, тот самый Вася, написал фамилию —

Волков — на рейхстаге. И было ему тогда девятнадцать лет.

Али Гусейнов. Я вижу, что люди свой адрес пишут, я тоже, зашел, взял — на стене: здесь шел из Азербайджанской ССР, Лерикский район, село Дастер — Али Гусейнов.

Владимир Макеев. Последнее письмо уже написал перед наступлением на Кенигсберг. Я написал родителям письмо, — что — вот последний, как говорится, решающий город для нас взять. Если останусь жив — значит буду жить.

Рубен Папаян. И все время вперед, вперед — наступление, — и не заметили, как мы пришли, — даже в море зашли, туман. Прямо в воду. Видим, уже дальше некуда — уже море впереди! И здесь же укрепились.

Сергей Терехин. Последний бой у меня был в Берлине у вокзала, где я получил ранение фаустпатроном.

Илья Сергеев. День Победы встретил я в госпитале, в городе Энгельсе. Ну, безусловно, радости много и много было горя. Все-таки основное обслуживание — были женщины, врачи — женщины, обслуживающие — санитарки, нянечки, у многих родные погибли. Я уже знал, что отец погиб на фронте, не совсем официально, но уже догадывались, знали, что он погиб. И брат двоюродный — был у меня заместителем командира двадцать седьмого мотополка, тоже погиб. И вот, вы представляете: и радость такая, и тут же тебе и горе! Особенно тяжело и жутко, что женщины, матери, которые потеряли мужей и сыновей, они радовались, что Победа, и в то же время знали, что уже к ним больше никто не вернется.

ГЛАВА

пятая

К одним не вернулись.

А к другим все-таки вернулись...

Много лет назад, к двадцатой годовщине Победы была окончательно подсчитана и названа горькая цифра потерь, в которую нам обошлась война.

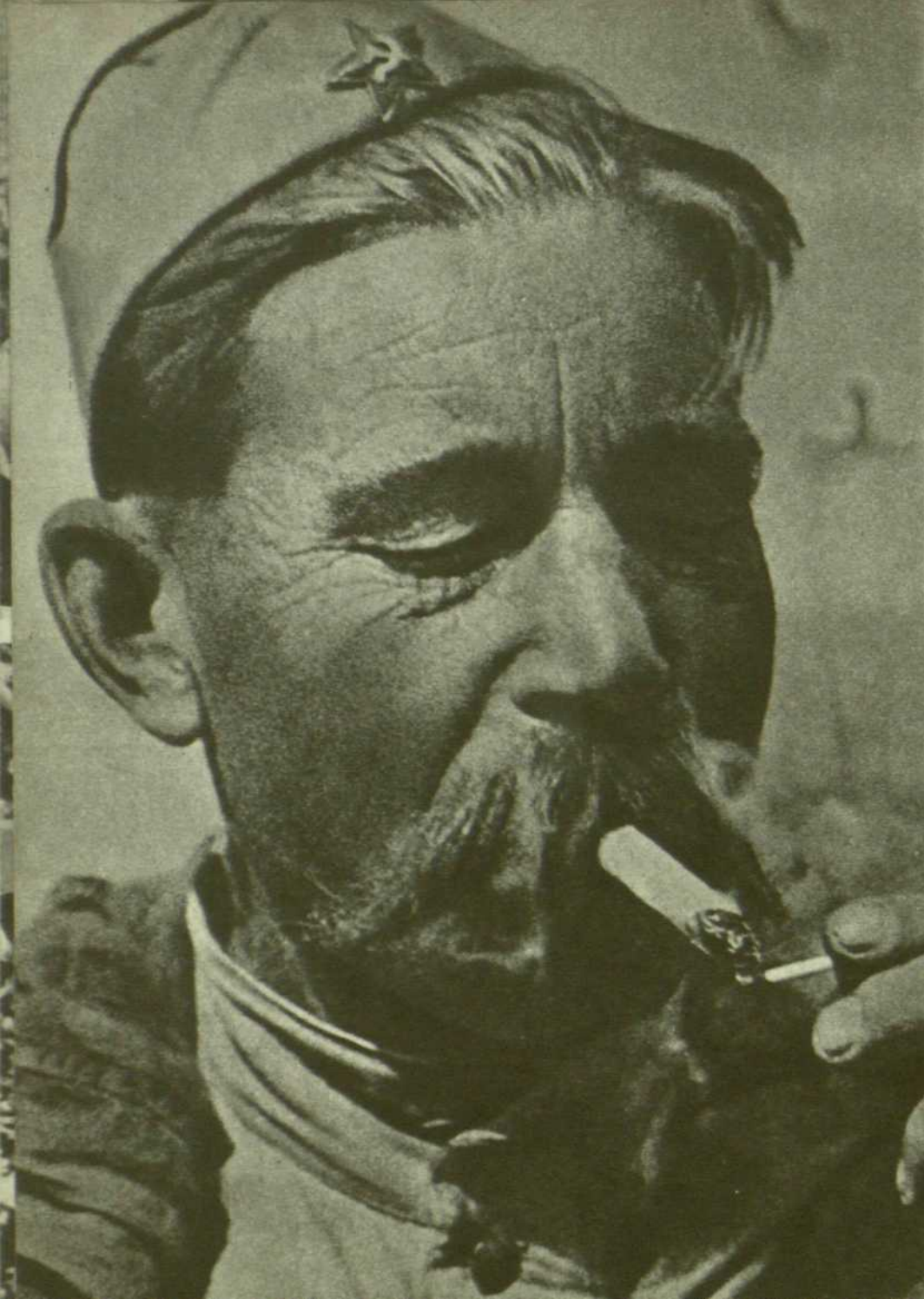
Память погибших стоя почтили молчанием.

Каждый из отдавших жизнь за Победу, был для всех нас самым дорогим человеком на свете.

А воевали на войне целыми семьями.

Александр Акиншин. Первый начал воевать наш отец — Василий Егорыч. Он начал войну с ополчения под Москвой. На дальних подступах к Москве. Это под Ельней.— А сестра!— Сестра — она позже, в 42-м году под Харьковом начала войну,— сестра Дуся.— А вы!— А я начал войну под Сталинградом.

Николай Шеремет. Я двадцатого сентября был зачислен в состав действующей армии, а затем, находясь на переднем крае, за Днепром, получил от матери письмо, из которого узнал, что двадцатого сентября, в этот же день, мой отец погиб на фронте, на Смоленщине. Он служил в пехоте, и там погиб где-то в деревне Тюкино. Так, по-моему.

В а с и л и й Н а л д и н. А братья, братья — у меня три брата — они погибли все. И старшего брата сын — двадцать шестого года — тоже погиб. Он уже в Берлине погиб. Из нашего дома четыре человека погибло.

Я н Р о з е. И вот, когда выходили ребята из строя, на глазах погибали, а мне приходилось видеть — особенно в Латышской дивизии, когда на коленях у отца умирал сын, когда с поля боя раненым выносил сын отца, — ведь там целыми семьями шли!

Да, шли целыми семьями...
Вот они — отцы солдат и сами —
солдаты.

Воевали отцы. Воевали братья. Во-
евали жены и сестры. Воевали на
фронте. И воевали, да, в тылу.

Потому что половину всего этого, если не две трети, сделали женщины.

Помните эти кадры? Помните эти тревожные лица у репродукторов, на митингах?

Двадцать второе июня. Первый день войны. Первые известия о ней...

Вот эти самые женщины потом сделают все, что потребуется для Победы: и танки, и пушки, и самолеты, и «катюши».

Женщины, не только обещавшие ждать, но обещавшие помочь; знавшие, что солдат там, под огнем, не только шепчет им: «Жди меня», но и говорит им: «Помоги мне. Помоги победить!».

Женщины... Без них бы ни солдат, ни полководец, никто бы не выиграл такую войну, как эта!..

Василий Алфанов. Женщинам, конечно, тяжело было на фронте, очень тяжело. Помогали они здорово, раненых перевязывали, вытаскивали раненых, — в общем-то, тяжело очень было на фронте женщинам. Ну, а в тылу, конечно, и кровь сдавали, и работали по шестнадцать часов, как нам говорили.

Иван Баранов. Когда наступили холода, просто мы удивлялись: откуда, из каких источников наша Родина берет вот такие ресурсы — заново всех одежали солдат, новые гимнастерки, сапоги; обмотки заменили сапогами, полушубки новые...

Александр Акиншин. Вообще говоря, так вот иногда думаешь — и как такую колоссальную армию могли накормить и обмундировать!

Такр Тастандиев. Бабушка такой очень хороший — встретила нас, раненых солдат, как своего родного сына. При том, и не один был — человек двенадцать было. Ну, она там, сколько могла, столько, понимаешь, нам постелила. Мы там отдохнули до утра.

— Покушали!

— Да, покушали.

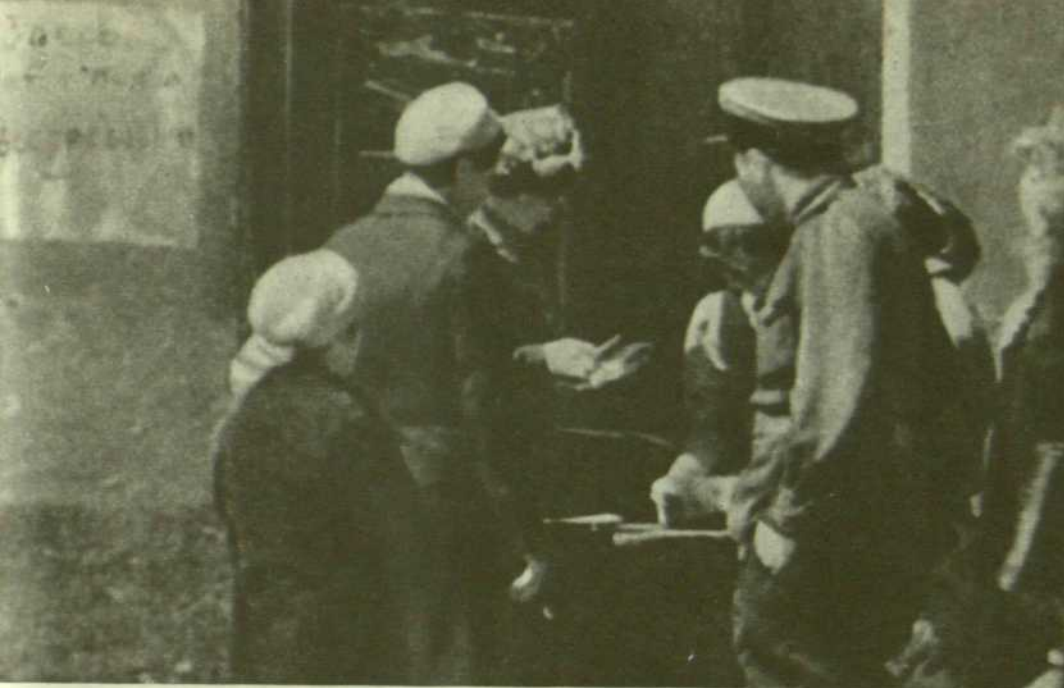
— А чем кормила!

— Она, это на ужин картошечки, как называется, в мундир, что ли, положила нам, соль положила, хлеб положила, чай вскипятила. Утром опять — то же. Кроме этого продуктов нет у ней! Потом, она, как своего родного сына, не считаясь, кто ты — казах, русский или украинец, там или узбек — нас проводила почти до полдороги и говорит: «До свидания, ребяташки, живы-здоровы будьте!» Прощались мы с ней. Очень такой гостеприимство! Мы очень довольны были. Как будто она наши ранения болезненные, как будто себе забрала она!

Михаил Бадигин. Письма, как правило, получали хорошие: хотя до нас и доходили слухи, что тяжело — недоедание, тяжелый труд — письма приходили теплые — что, мол, все хорошо, не волнуйтесь, бейте фашистов. Это надо понять. Письмо на фронте — это очень сильное оружие...

От столов и до подоконников
Почта вечно полным-полна,
Похоронки и треугольники
Пишет, пишет домой война.

Нет, не могут, как ни наметаны,
Все поспеть их глаза и руки,
Штатом почты не предусмотрено
То, что целый народ в разлуке.

И давно уже, не первый год —
в разлуке.

Ты помнишь, Алеша, дороги
Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые
дожди,

Как кринки несли нам усталые
женщины,
Прижав, как детей, от дождя
их к груди.

Как слезы они вытирали
украдкой,
Как вслед нам шептали:
«Господь вас спаси!»—

И снова себя называли
солдатками,
Как встарь повелось на
Великой Руси.

Солдатки...

Где-то в других местах воюют их
мужья, их братья, их отцы.

А здесь воюют чьи-то мужья
и братья.

И как не помочь им, как не сде-
лать все, что в силах женских и че-
ловеческих?

Чего только не претерпел народ, пока солдат воевал...

Я спросил у одной старой учительницы то же, что спрашивал у солдат: «Что было самым страшным для Вас в годы войны?»

И она ответила: «Лица детей, приходивших в школу на другой день после того, как к ним домой приходила похоронка».

Много сирот оставила после себя война... много.

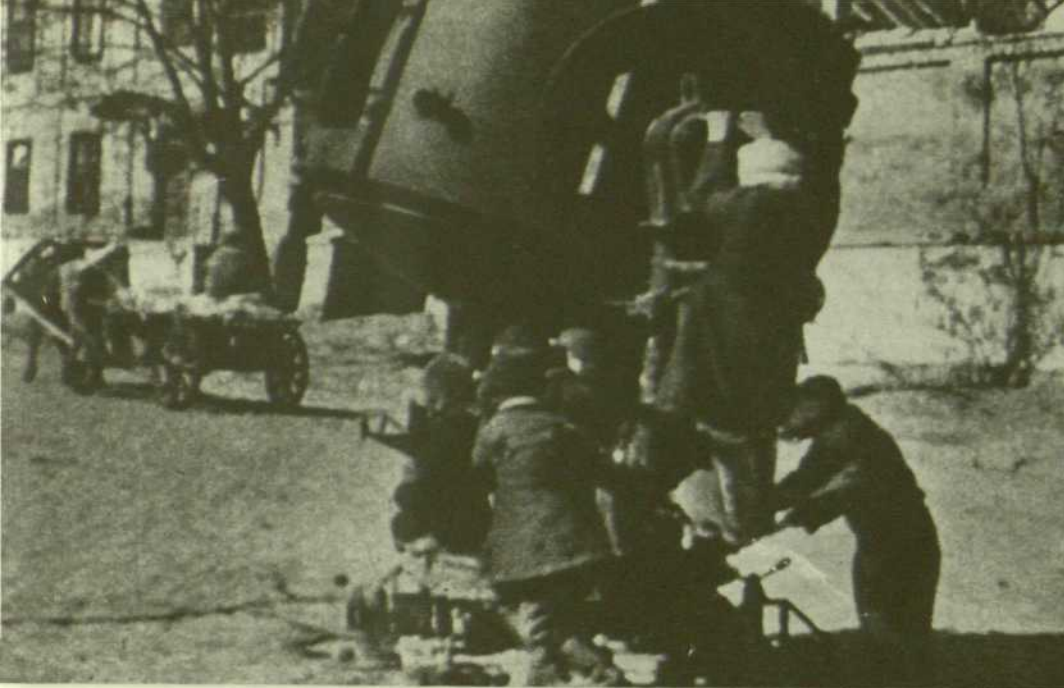
Но что бы ни было, все равно в них — будущее народа, в них, в детях...

В сорок втором, когда ставка Гитлера была в Виннице, — его правая рука Борман — поехал по окрестным украинским селам. Его очень беспокоили украинские дети.

«Когда едешь по тем местам, — вернувшись, сказал Борман фюреру, — встречаешь мало мужчин, но невероятно много детей. Обилие детей, — сказал он, — может нам в будущем дорого обойтись. Похоже, что все они, от мала до велика, обладают отличным здоровьем, и если этот народ будет размножаться еще быстрее — было бы выгодно добиться такого положения, при котором эти русские, или так называемые украинцы, не размножались бы столь быстро. Мы ведь собираемся через какое-то время заселить всю эту бывшую русскую землю немцами».

«Заселить всю эту бывшую русскую землю немцами». Ишь, чего захотел!

Чьи-то отцы, чьи-то дети. Отцы
и дети одного и того же воююще-
го народа.

Сегодня с боями освобождено
двадцать два населенных пункта...

Тридцать пять...

Сто сорок семь...

Освобождено!

Освобождено!

Освобождено-то, освобождено,—
а что там? Как там люди-то? Кто
жив? Кого угнали?

И что с детьми, самое главное,
что с детьми?

Как вынуть солдату эту тревогу из
своей души?

Ведь прежде, чем освободим —
бывало всякое...

Из всех солдат, с которыми мы говорили, только один Василий Воробьев съездил за войну в отпуск. Втроем совершили подвиг, нужный целому фронту: месяц никто не мог

взять «языка» — а они втроем пошли и взяли. И в награду поехали в отпуск: один на Украину, другой в Киров, а третий — к себе на Брянщину...

Василий Воробьев. Ну, дождался я поезда, сел, поехал до дому — в Брянскую область, Нарвинский район, деревня Крапивно. Приехал. Еле нашел мать там. В землянке жила.

Деревня наша вся была спалена, это домов триста было. Это когда немцы отступали, то они спалили ее полностью. Ну, мне там, когда я приехал, мать рассказывала: братишка у меня был, две сестры... Рассказывали: моего дядьку родного расстреляли, в партизанах был и шел на задание. Вот. Дедушку убили. Брата моего одного тоже убили — в партизанах был. В общем, безобразничали, отбирали все — скот отбирали. Понабезобразничали. Ну, насчет дома — мать жила в землянке. Я думаю: надо их из земли вырвать как-то оттуда, построить какую-то времянку. Мы с братом давай стараться! Пошли — лесу заготовили, у нас в Леспромхозе была машинка, пошел — выпросил машинку, привезли, сделали времянку небольшую, — что я матери помог — это времянку сделать. И обратно вернулся, значит, в свою часть...

И поехал Василий Воробьев обратно на войну, в свою часть.

ГЛАВА

Местная

Сейчас, более чем тридцать лет после войны, есть у нас такие туристические фильмы «Десять минут по Советскому Союзу»:

Новгород,
Калинин,
Калуга,
Минск,
Киев,
Севастополь.

К сорок четвертому году все это уже осталось за спиной у Василия Воробьева, возвращавшегося в свою часть на Вислу в Польшу.

Но, как это ни дико вспомнить, в сорок первом и сорок втором все это было в руках фашистов.

Как мы считали — временно!
Как они считали — навсегда!
И кто прав:

Мы?
Или они?
Шаг за шагом, с оружием
в руках, доказывал солдат.

Да, можно выжить в зной,
в грозу, в морозы,
Да, можно холодаты и голодаты,
Идти на смерть,
Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

Я, думая о Родине, написал
про эти три березы, но не обя-
зательно березы!

Для украинца — тополя, для
казаха — степь.

А для белоруса или для ме-
ня, русского — березы.

Фашисты в годы войны чаще
всего называли нас всех:
«русс» — русские!

Но мы были не только, и не
просто — русские, мы были
советские.

Фашисты говорили, что они вою-
ют с Россией, «Руссланд!»

Но они воевали не просто с Рос-
сией, а с Советской Россией.

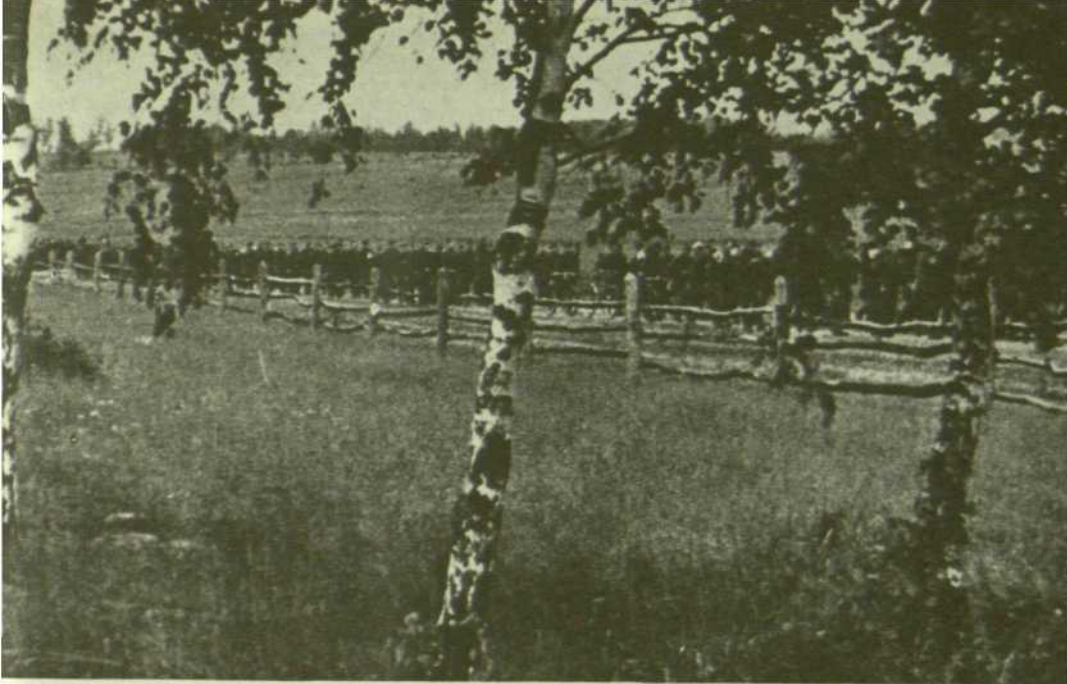
А если еще точнее — с Советским
Союзом.

Фашисты в начале войны очень
любили снимать в толпе пленных
азиатские лица.

Дураки, — они считали нашей сла-
бостью то, что было нашей силой.
Силой нашего единства.

Василий Нальдин. Гитлер рассчитывал, что с первых же месяцев наша страна рассыпется, как многонациональная. А получилось наоборот. Во время войны мы еще сплоченнее стали, так! И мы знали, что как у нас, например, в полку — все национальности были. Даже в нашей роте я помню всех — и узбеки были, и татары, были и туркмены, и казахи были, так! И грузины, и армяне были, и евреи были, и русские, и мордва, и чуваши, и эстонцы. Потом, когда Молдавию освободили — молдаван нам дали, у меня в расчете были. И латыши были. Многонациональным, интернациональным такой получился полк, расчет — я такой дружный, так! Мы — как одна семья, мы из одного котелька ели-пили. И вот это нам помогло победить врага такого сильного. Не мы рассыпались, а он рассыпался! Он рассыпался! Он не рассчитал, это так! Конечно, он недалевидный был. Мне кажется, он просто немножко недоразвитый, сумасшедший.

Так один советский солдат — Ва-
силь Нальдин, мордвин по нацио-
нальности, москвич по месту жи-
тельства, по-своему, по-фронт-
овому, оценил меру дальновидности
Гитлера, замахнувшегося на нашу
страну.

У солдат Великой Отечественной войны годы вступления в комсомол и в партию почти у всех одни и те же — военные, от сорок первого до сорок пятого.

Когда вступил — в билете ставят — год, месяц.

А где вступил — не ставят.

А места вступления в партию — памятные!

У одного — под Москвой.

У другого — блокадный Ленинград.

У третьего — Сталинград.
У четвертого — Курская дуга.
Новороссийск.

Сиваш.

Под Могилевом.

На Висле.

На плацдарме за Одером.

На окраине Берлина...

И обстоятельства приема в билете тоже не записаны.

Записаны только в солдатской памяти.

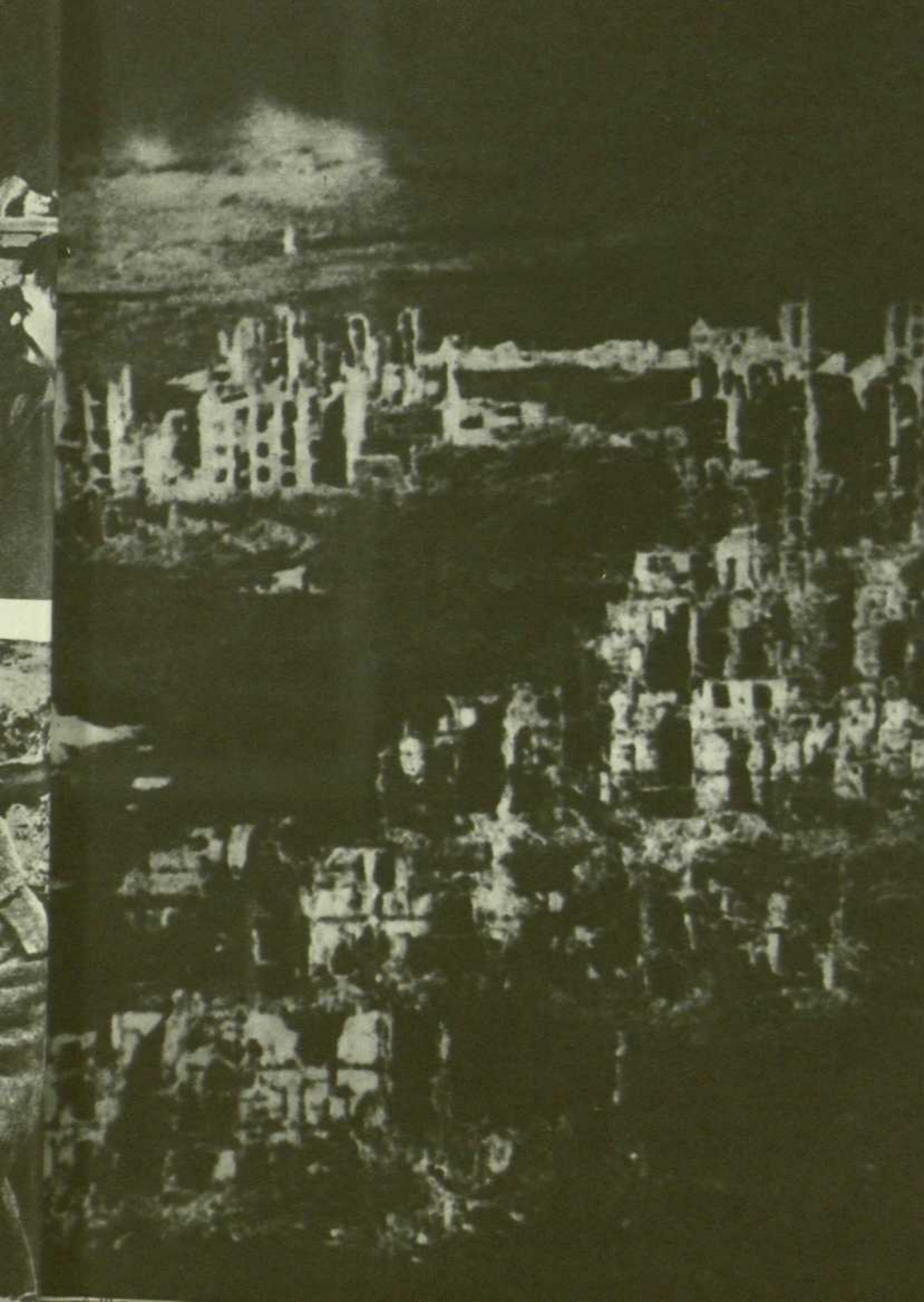
Александр Акиншин. В кандидаты партии меня приняли под Сталинградом, что-то такое в октябре месяце, середина или начало октября. Как раз были самые напряженные бои под Сталинградом. И помню, значит, нас принимала дивизионная парткомиссия. Не меня одного, нас несколько человек из батареи. Но из комсомольцев был я один. В батарее состав был самый разнообразный по годам. Молодежи мало было. Ну, принимали, собственно, там, на огневой позиции, там у нас был такой окопчик длинненький, все собрались: дивизионная комиссия сидит на корточках, пишут что-то такое, записывают, спрашивают, вопросы задают. Тут команда: «К бою!». Значит, мы моментально бежим к своим минометам, а они там сидят — ждут...

Николай Шеремет. Вручали комсомольские билеты в землянке, в холодной землянке. Я еще помню как, да у меня комсомольский билет и сейчас еще сохранился. Я вот смотрю на роспись, как я там расписался: две буквы только мог поставить, потому что руки замерзшие были, и ручку не удержать в пальцах. Как посмотрю я на этот билет, так вспоминаю, как я получал этот комсомольский билет в землянке на фронте.

Тайр Тастандиев. Партийный билет я так получал. Землянка такой, штаб в землянке, задутый бураном. Все задуту было. Они тоже замерзли. Я вошел — там снег лежит, и он говорит мне, видите, мы тоже вот замерзли. Шинель показывает мне. Я говорю: вот и наш шинель замерзла. Мерзлые все. А он говорит: мы тоже, говорит, товарищ солдат, видишь у нас тоже, показывает на столе — там чернила тоже замерзли. Еле-еле мы надышали, я расписался там в партийном билете, и он мне руку пожал, дал партбилет. — Так, вот теперь будешь членом партии, товарищ Тастандиев, говорит, давай воюй хорошенько и вернись домой живым-здоровым. — Ну, я взял партийный билет, положил в карман и пошел опять в окоп.

Права у солдата-коммуниста такие же, как у всех, — солдатские.

И обязанности, как у всех, — солдатские.

Ну и вдобавок к ним — еще од-

на: если тяжело, то, как известно, — коммунисты, вперед...

А тяжело бывало до самого конца войны...

Карл Куркевич. Я много читал и слышал, что на западе якобы говорят, что — чем ближе к Берлину, так немцы якобы меньше сопротивлялись, сдавались. Но это совсем не так.

Хабибула Якин. Последние периоды боев тоже были очень жестокие, очень жестокие. Немец, видимо, знал, что все равно проиграет война, а все-таки сопротивлялся, и жестоко сопротивлялся.

Владимир Финюгенов. Он так это здорово оборонялся, просто жестоко оборонялся на своей земле, и нам приходилось трудно-вато выбивать его с каждой позиции.

Константин Мамедов. Жестокость этих боев нарастала непрерывно. Сопротивление было ну просто отчаянным. Это была ужасно вымуштрованная, вооруженная техникой военная машина, которой не было, пожалуй, да не пожалуй, это точно, не было равной в мире!..

Я видел, как была снята эта пушка и перед ней — раненые. Это было при мне.

И эти люди на костылях, в общем-то и доставили эту немецкую пушку в Москву, на выставку трофеев.

Может быть, она была взята в одном месте, а они ранены в другом, но не будь их солдатского труда, не стояло бы ни этой пушки и ничего другого на выставке трофеев в Москве — в парке культуры и отдыха 22 июня 1943 года, в день двухлетия войны.

Все это было предназначено для того, чтоб убить солдата, не дать ему дойти до Победы.

А он дошел!

Дошел!!

Дошел с помощью нашей могучей — в самом деле, без преувеличений — могучей техники, той, которую ценой четырехлетних лишений дал солдату народ.

Техника без человека, конечно, мертва, это так, это верно.

Но и человек без техники — тоже не жилец на фронте.

Чем его подопрут в бою — это для солдата каждый день боя — вопрос жизни и смерти!

И не зря после войны на местах боев вслед за солдатом шагнула на пьедестал и техника: и пушка, и «як», и «тридцатьчетверка», и «ка-тюша»...

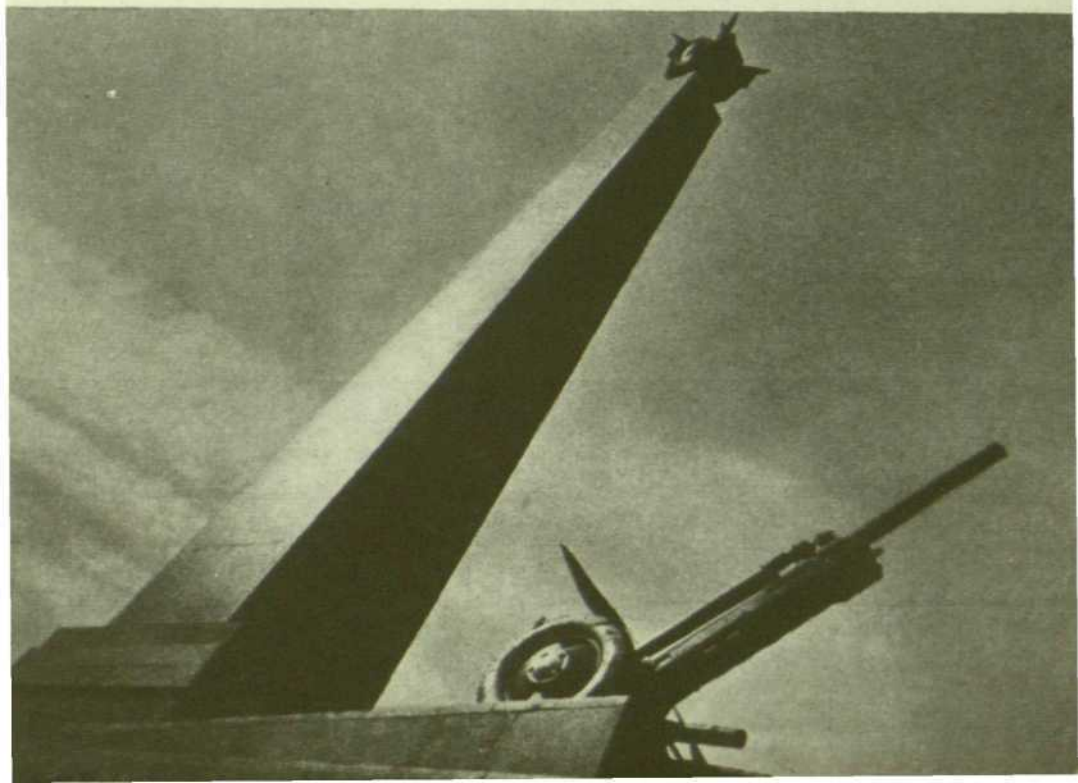
Александр Акиншин. В общем, я его за это время, конечно, полюбил — миномет двадцатимиллиметровый, хорошее оружие, на мой взгляд, оно очень мощное — это оружие, миномет.

Иван Ванача. Очень даже хорошая пушка. — Чем она хороша! — Очень легкая, низкая, и защитный щит, и очень точно бьет она туда, куда прицеливаешься. И так она быстро бьет!

Иван Прядкин. Артиллеристам до сегодняшнего дня — спасибо! Я должен вам сказать, что перед артиллеристами должны преклониться все — и пехота, и кто бы то ни был, и авиация, и все, любой род войск!

Сергей Терехин. Ну, разговор, конечно, вот, мол, пехота, что там пехота! Вот, мол, батарея, там — артиллеристы, танкисты! А без пехоты — делать нечего. То есть, ну, я вот, например, подхватили мы пушку три-четыре человека, потащили...Ну и что! Мы можем только расстрелять какие-то точки, а пехота, понимаешь, должна пройти в здание, туда-сюда, в подвалы, в комнаты — без пехоты никак нельзя!

Владимир Финногенов. Мы попали на фронт, и просто аж идем, а «катюши» кругом стоят, понимаешь! Думаем, что за машины такие! — рельсы, на рельсах все открыто и на них снаряды — думаем: что это! — Да это, говорят, «катюши» наши! Одна, другая, третья, четвертая. Да какие-то ящики были еще разбросаны, провода какие-то. — А ребята говорят: да это наш, говорят, «андрюша»! Техники столько, просто тьма техники! С такой техникой, я говорю, хорошо и воевать. Как начали стрелять, так эти снаряды просто, как гул сплошной!

Нет, не голой грудью дошел солдат до Победы. Дошел во всеоружии и своими руками устроил по дороге к Победе десятки выставок немецких трофеев. И самую последнюю выставку — на улицах поверженного фашистского Берлина.

Приказы...приказы...Солдаты до сих пор хранят их вместе с орденами.

Бобруйск.

Пинск.

Варшава.

Радом.

Модлин.

Гданьск.

Кенигсберг.

Штеттин.

Штральзунд.

Берлин.

Хорошая вещь — благодарность в приказе Верховного Главнокомандующего.

Но чтобы получить благодарность — надо сперва исполнить приказ.

А приказ отдает командир.

Товарищ политрук...

Товарищ командир...

Товарищ генерал...

Товарищи...Многое в этом слове.

Не всегда и разберешь на снимке — где солдат, где командир. Надо приглядеться, чтоб различить.

Нет, не было у нас на фронте белой и черной кости.

Солдат, офицер...Солдат, офицер...

А что такое офицер на передовой?

Василий Алифанов. На передовой всем тяжело было. И солдату, и офицеру. Младший офицер был на передовой, и очень тяжело тоже было офицеру. Он также разделял с нами, как говорится, делил все пополам: и радость, и горе, и те невзгоды, которые на солдата ложились, на солдатские плечи. Тут же в окопе, рядом, находился и офицер.

Владимир Макеев. У нас во взводе сменилось, вернее, взводом командовали трое командиров. Из них двое были ранены.

Иван Баранов. Командир полка в трудную минуту, — очевидно, нажимал противник, окружен им, наверное, был, и вызвал огонь на себя. И все разведчики и командир полка погибли.

Сергей Баскаков. Он просто как отец родной был. Его так отцом и звали. Вот это, мол, отец, батя наш, и все! Батей и звали.

Константи Мамедов. До того страшный огонь пулеметный, минометный, что стрелки залегли и не могли подняться. Так, тогда командир полка был вынужден, значит, пойти сам, взял нас, разведчиков, пистолет выхватил, и сам поднимал солдат в атаку. И только благодаря его личному участию солдаты пошли в атаку, поднялись, собственно. Тяжело оторваться от земли, а там, как оторвался, так пошел и пошел!

Василий Воробьев. Ну, командир дивизии, когда идем в разведку, конечно, он нас подготовит, начальнику разведки скажет. Начальник разведки подводит нас к блиндажу, где командир дивизии. Он выйдет, сам с нами поговорит, все по-хорошему, никого не обидит, каждому руку пожмет. Ну, конечно, приказывать надо: «Надо «язычка», надо! Армия ждет, корпус ждет, надо, надо!» Вот такие были командиры. Я бы сказал, или мне повезло просто среди таких командиров быть или просто, в общем, они нас, как говорится, жалели.

Иван Чертков. Я помню, к нам приехал на вечер Рыжов, командующий корпусом. Ну, и когда он сказал: берлинцы, встаньте! Так мы встали: один здесь, а один через пять метров. Народу было очень мало, очень мало...

Александр Акиншин. Петр Федорович Редькин недавно был здесь, ну, буквально в прошлом году, по-моему. Вот он приехал и говорит: «Ну, стар я уже стал. Знаешь что, ты меня сфотографируй на Красной площади. Есть фотоаппарат!» — «Есть». — «Ну, пойдём». — Значит, пошли. — И еще, говорит, я хочу побыть на могиле Иван Степановича Конева — нашего командующего фронтом...

КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

РОКОССОВСКИЙ

18²¹_{XII} 96 - 19³_{VIII} 68

ИВАН СТЕПАНОВИЧ

КОНЕВ

18²⁸_{XII} 97 - 19²¹_V 73

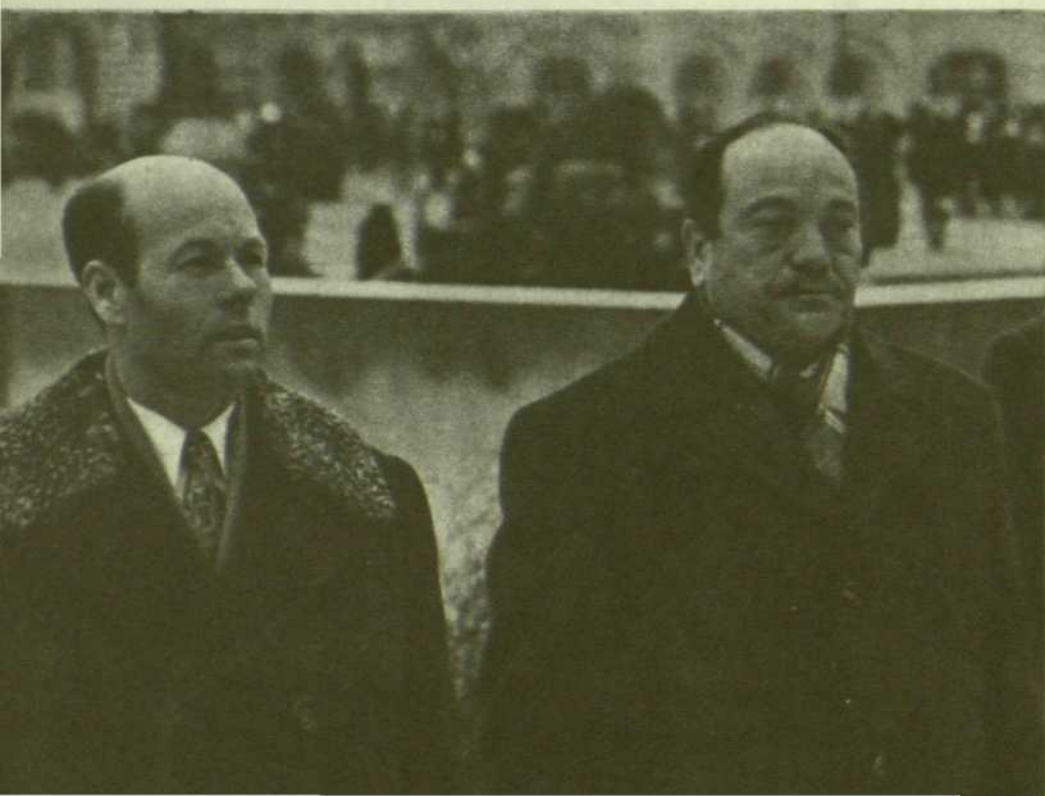
ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

ЖУКОВ

18²_{XII} 96 - 19¹⁸_{VI} 74

И приезжают солдаты не только на места боев, где легли когда-то их товарищи-однополчане, но и сюда, где лежат их товарищи — командующие, — те, чьи приказы они выполнили, дойдя до Берлина.

Те, чьи урны в Кремлевской стене, всего в ста шагах оттуда, где в памятный всем нам дождливый июньский день сорок пятого года — падали и падали на брусчатку Красной площади перед Мавзолеем Ленина фашистские знамена, брошенные солдатскими руками...

ГЛАВА

седьмая

Конец долгого пути.
Долгого, очень долгого...
Дошли до Победы. Легко сказать:
дошли.

И если оглянуться — как и через
что шли?

Какая тишина...

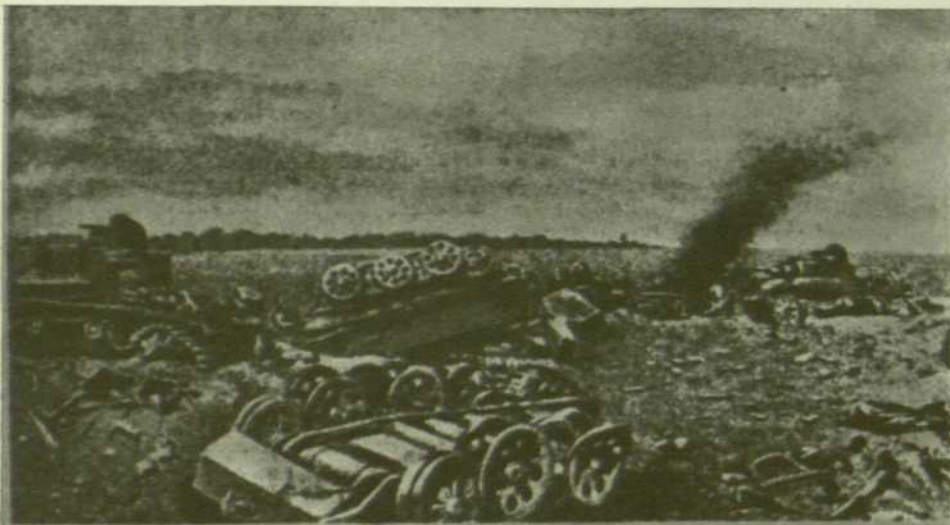
Одному человеку этот, мирный
сейчас пейзаж ничего не говорит,
а для другого — это поле боя...

Я не был солдатом, был всего-
навсего корреспондентом, но и у
меня есть кусок земли, который мне
век не забыть, — вот это поле за
Могилевом, где я впервые видел в
июле сорок первого, как наши сож-
гли тридцать девять немецких танков
и бронетранспортеров. Вот этих са-
мых, снятых тогда моим, погибшим
потом, товарищем.

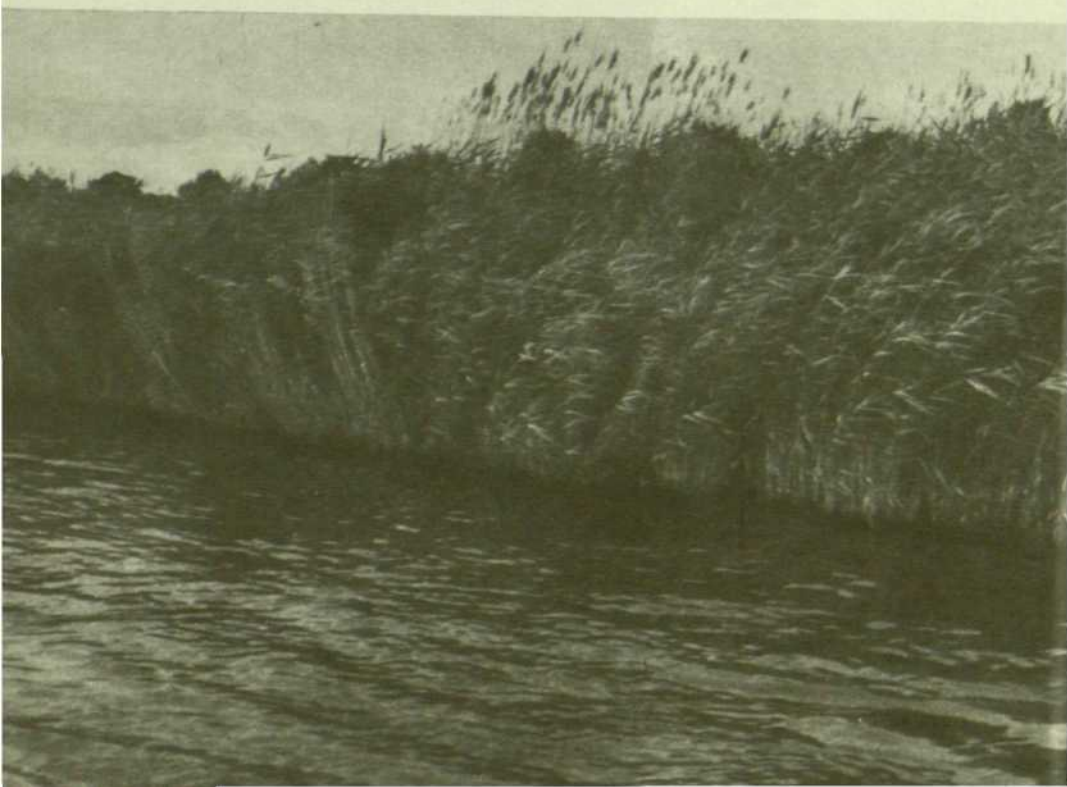
Поле боя, поле боя... Сколько их
безымянных — то летних, то снеж-
ных, на памяти у солдат...

Пусть то безымянное поле,
Где нынче пришлось нам стоять,
Вдруг станет той самой
твердыней,
Которую немцам не взять,
Ведь только в Можайском уезде
Слыхали название села,
Которое после — Россия
Бородиным назвала...

Я написал эти стихи в сорок вто-
ром, когда немцы шли к Сталин-
граду.

Разгромленные танки фашистов, вавшедшие себе могилу на поле 14-часового боя с гер

Земля...От самого Сталинграда до самого Берлина вынимали землю в беспощадном количестве. И следы этого до сих пор как незаросшие раны...

Ну, что такое окоп — даже в полный рост человека? Метр с небольшим в глубину, да козырек, да полметра в ширину.

А сколько их было вырыто за войну, какие, никем не сосчитанные миллионы окопов?

А не окопался — не выстоишь.

Не окопался — не будешь жить.

Вот и копали! Как сказал об этом один из солдат:

— Бульдозер столько не переложит, сколько мы перекопали.

И верно, котлованы под многие великие стройки можно было выкопать за счет той земли, которую

вынул солдат за четыре года войны, вручную, большой и малой лопатой.

Вода...Какая тишина...

Как, товарищи солдаты, узнаете эту воду? Какая она? Донская, Днепровская, Вислинская, или последняя из всех — Одерская?

И пули по ней били, и мины рвались, и трупы плыли.

И называлось все это — форсированием еще одной водной преграды...

И стоял над ней ад крошечный...

Вспоминая, как переправлялись тогда по ледяной воде через низовья Одера, через все его рукава, чуть не три километра, — один из солдат, тридцать лет спустя, сказал так.

Василий Алифанов. И вот когда мы перешли на ту сторону, перешли нелегко, а тяжело, с боями, с большими потерями, и согнали немца с господствующих высот, с которых просматривался весь Одер, и после рассуждали: вот, говорим, сейчас бы — спокойно, вроде никто не стреляет, вот сказали бы: давайте, кто желает, на ту сторону, на свою сторону спокойно переплыть — Героя Советского Союза дали бы — мне кажется, не нашлось бы такого человека!

Да, если оглянуться — оторопь брала. Но в том-то и дело, что Василий Алифанов и его товарищи шли тогда не оглядываясь.

А сколько же всего в боях и походах, пешком прошли за всю войну солдаты, если в километрах?

Этого мы не спросили, забыли.

Спихватились, и все-таки задали этот вопрос и получили в ответ письма.

Бывшие солдаты — люди занятые, только один — давно пенсионер, а остальные — все на работе. И по второму разу приезжать в Москву им было недосуг... надо работать.

Но на наши письма ответили почти все:

— Ну и задали же Вы вопрос...

— Была у нас фронтовая поговорка: род войск какой — матушка-пехота, все идешь, идешь — и идти охота.

— Мы начали войну на границе. С боями отступали до Сталинграда. Закончили на Эльбе. Если отбросить госпитали, находились в дороге тысячу двести дней.

— Мною в первом эшелоне за семьсот дней и ночей пройдено около пяти тысяч километров. Бегом — шестьсот, строевым — четыреста, по-пластунски — двадцать.

— Цифра от Крыма до Праги что-то получается у меня несуразно большая...

— По девятое мая сорок пятого года прошагали тысяч десять. Ведь мы очень мало сидели, а все на ногах да на ногах.

— Если взять напрямую до Берлина — здесь недалеко. Но военные дороги были очень длинные... Не сосчитать, счетчика не было...

Да, счета не было — ни дорогам, ни ранам, ни смертям, и Победа была концом пути многих, смертных людей, четыре года сменявших друг друга, выбывавших из строя, возвращавшихся, погибших. Но война соединила все их судьбы в одну судьбу бессмертного солдата, который все-таки дошел до Победы.

У него было длинное имя.
За четыре кровавых года
Так война его удлинила,
Что в одну строку не упишешь.
Иванов его было имя,
И Гриценко, и Кондратович,
Акопян, Мурадов, Долидзе,
И опять Иванов, и Лацис,
Тугельбаев, Слуцкий — и снова

Иванов, и опять Гриценко.
Наградных написали гору
И по несколько раз успели
Наградить его перед строем.
А бывало — не успевали,
Или в госпиталях вручали,
Выдавали награды семьям,
А одна, говорят, большая
Его так до сих пор и ищет.

Победа...

И то, что после этой победы мы уже тридцать лет — только подумывать, уже больше чем тридцать лет смогли прожить без войны, наверное, и есть та самая высшая из наград, которой своим трудом и кровью добивались советские солдаты.

Гляжу сейчас на их тогдашние, после всех испытаний войны, все-таки молодые лица, и вспоминаю наши чувства в ту весну, и стихи, написанные тогда же, сразу после войны:

В разлуке были, смерть видали,
Привыкли к скрипу костылей,
Свой дом своей рукой сжигали,
В последний путь несли друзей.

Того, кем путь наш честно прожит
Согнуть труднее, чем сломать,
Чем, в самом деле, жизнь нас
может,
Нас, все видавших, испугать?

И если нет других путей,
Мы сами вновь войдем в сраженьё,
Но наших судеб повторенья
Не будет в судьбах сыновей!
Не будет в судьбах сыновей!

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава первая	7
Глава вторая	33
Глава третья	55
Глава четвертая	67
Глава пятая	83
Глава шестая	103
Глава седьмая	127

Константин Михайлович

СИМОНОВ

ШЕЛ СОЛДАТ...

Заведующий редакцией Г. М. Некрасов
Редактор А. С. Барков
Художественный редактор Г. Л. Ушаков
Технический редактор Д. А. Степанцева
Корректор В. И. Лапидус
Г-81295. Сдано в набор 7:IV-1976 г. Подписано к печати
3:Х-1976 г. Изд. № 3/874. Формат 70X90/16. Бумага
слубочной печати. Усл. л. в. 10,53. Уч.-изд. л. 13,67
Тираж 100 000 экз. Цена 55 коп.
Ордена «Знак Почета» Издательство ДОСААФ СССР,
107066, Москва, Б-66, Новорязанская ул., д. 26
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский
полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательства, полиграфии и книжной
торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5. Заказ 1579.

